

Политическая лингвистика. 2023. № 4 (100).
Political Linguistics. 2023. No 4 (100).

УДК 81'42:81'38
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.41.21

Код ВАК 5.9.9; 5.12.3

Наталья Анатольевна Смакотина^{1,2✉}, Андрей Геннадьевич Фомин^{3✉}

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, kaf_iy_tf@corp.nstu.ru✉

² Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ffl_kostinaea@nspu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

³ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, andfomin67@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Лексико-семантическая характеристика политической риторики в контексте прокси-войны против России

АННОТАЦИЯ. Объектом исследования в статье выступает информационная структура политического текста, которая определяет его лексико-семантическую организацию. Предмет исследования — системно организованная лексика информационного потока, которая формирует отношение к ситуации в Украине у западных политических элит, и представляет собой корпус языка прокси-войны. Материалом исследования послужили тексты устного публичного жанра в видеозаписи (и скрипты к ним) — выступления, интервью, пресс-конференции официальных представителей внешнеполитических ведомств Великобритании и США для авторитетных информационных каналов (анализировались тексты таких политиков, как Ллойд Дж. Остин, Энтони Блинкен, Джеймс Клеверли и Бен Уоллес). В ходе исследования был изучен корпус текстов политического дискурса; посредством анализа словарных дефиниций, интерпретации и обобщения в нем были отобраны и систематизированы по тематическому принципу слова и словосочетания-стимулы, формирующие коммуникативно релевантный феномен обобщенного значения в виде лексико-семантической категории языка прокси-войны. Лексико-семантическая категоризация текстов политического дискурса выявляет различия между стимулами, принадлежащими к разным лексико-семантическим (тематическим) группам. В качестве стимулов выступают слова и словосочетания, способные вызвать ассоциативную реакцию реципиента, которые включены в контексты, содержащие лексико-семантические категории и формирующие риторику политического сообщения. Политическая риторика в контексте информационной и прокси-войны представлена бинарной оппозицией — «Агрессия/Защита». Лексико-семантическую категорию «Агрессия» характеризуют негативно маркированные лексемы, выступающие как средство описания агрессивного противостояния. Лексико-семантическая категория «Защита» представлена позитивно маркированными лексемами, которые являются средством выражения поддержки «жертвы» в структуре конфликта. Метаязык прокси-войны в текстах политического дискурса, являясь инструментом борьбы с политическими оппонентами, создает особую политическую риторику, фиксирует с помощью языковых средств отношения и связи между ними, и выступает в качестве триггера для деструктивной пропаганды, призванной разжечь вражду и используемой в процессе формирования у целевой аудитории требуемого понимания действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика, политический дискурс, политические тексты, прокси-война, информационная война, лексическая семантика, лексико-семантические категории, вербальная манипуляция, манипулятивное воздействие, манипуляция сознанием, политические деятели, политические речи, российско-украинские отношения, украино-российские отношения, Интернет, интернет-пространство, интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Смакотина Наталья Анатольевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет; 630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20; email: kaf_iy_tf@corp.nstu.ru; старший преподаватель кафедры лингвистики и теории перевода, Новосибирский государственный педагогический университет; 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28; email: ffl_kostinaea@nspu.ru.

Фомин Андрей Геннадьевич, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; email: webkemsu@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Смакотина, Н. А. Лексико-семантическая характеристика политической риторики в контексте прокси-войны против России / Н. А. Смакотина, А. Г. Фомин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 77-92.

Natal'ya A. Smakotina^{1,2✉}, Andrey G. Fomin^{3✉}

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, kaf_iy_tf@corp.nstu.ru✉

² Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ffl_kostinaea@nspu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

³ Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, andfomin67@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Lexico-Semantic Characteristics of Political Rhetoric in the Context of Proxy War Against Russia

ABSTRACT. *The scope of this study covers the information structure of a political text, which determines its lexical and semantic organization. The object of the study includes the systemically organized vocabulary of the information flow, which forms the attitude of the Western political elites to the situation in Ukraine, and represents the corpus of the proxy war language. The practical research material consists of oral public genre texts in the form of video recordings (and their transcripts) — speeches, interviews, press conferences of official representatives of the foreign ministries and agencies of the United Kingdom and the United States for authoritative information channels (texts of politicians such as Lloyd J. Austin, Anthony Blinken, James Cleverley and Ben Wallace were subject to analysis). In the course of their investigation, the authors studied a corpus of texts of political discourse; they selected and systematized words and phrases-stimuli that form a communicatively relevant phenomenon of generalized meaning in the form of a lexico-semantic category of the proxy war language according to the thematic principle through analysis of dictionary definitions, interpretation and generalization. Lexico-semantic categorization of political discourse texts reveals differences between the stimuli belonging to different lexico-semantic (thematic) groups. The stimuli are words and phrases that can cause an associative response of the recipient, which are included in the contexts containing lexical and semantic categories and form the rhetoric of a political message. The political rhetoric in the context of information and proxy war is represented by a binary opposition — “Aggression/Protection”. The lexico-semantic category of “Aggression” is characterized by negatively marked lexemes that act as a means of describing aggressive confrontation. The lexico-semantic category of “Protection” is represented by positively marked lexemes, which are a means of expressing support for the “victim” in the structure of the conflict. The metalanguage of proxy war in the texts of political discourse, being a tool for opposing political opponents, creates special political rhetoric, fixes relations and connections between them with the help of linguistic means, and acts as a trigger for destructive propaganda designed to incite hostility and used in the process of forming the required attitude to reality among the target audience.*

KEYWORDS: *political rhetoric, political discourse, political texts, proxy war, information warfare, lexical semantics, lexico-semantic categories, verbal manipulation, manipulative impact, manipulation of consciousness, politicians, political speeches, Russian-Ukrainian relations, Ukrainian-Russian relations, Internet, Internet space, Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Smakotina Natal'ya Anatol'evna, Senior lecturer, Department of Foreign Languages for Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; Senior lecturer, Department of Linguistics and Translation Theory, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.*

Fomin Andrey Gennad'evich, Doctor of Philology, Professor of Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: *Smakotina N. A., Fomin A. G. (2023). Lexico-Semantic Characteristics of Political Rhetoric in the Context of Proxy War Against Russia. In *Political Linguistics*. No 4 (100), pp. 77-92. (In Russ.).*

I. ВВЕДЕНИЕ

Политическая риторика, являясь индикатором отношения государства или политического объединения к конкретной ситуации политического процесса, репрезентирована системой речевых конструктов, которые задают определенную тематику информационного потока и формируют значимые понятия для понимания и осознания действительности. Тематика публикаций и выступлений политиков в последнее время в основном связана с проводимой Российской Федерацией специальной военной операцией (СВО) в Украине. В них открыто представлена позиция стран Запада и США, которые развернули против России прокси-войну, сопровождающуюся введением санкций, противостоянием в экономическом, военном, политическом, кибер- и информационном пространстве.

Анализ содержания информационного пространства путем лексико-семантической категоризации текстов политического дискурса как процесса упорядочения текстовой информации позволяет достичь цели исследова-

ования — выявить наиболее значимые стимулы, формирующие понятия, которые, в свою очередь, образуют категории — совокупности основных понятий, смыслов сообщения. В качестве стимулов выступают слова и словосочетания, способные вызвать ассоциативную реакцию реципиента и являющиеся базовыми при формировании понятия как мыслительного конструкта. Данные конструкты задают тематику сообщения и, используя контекстуальное окружение, формируют риторику презентации информации.

Актуальность настоящего исследования определяется включением вопросов, связанных с особенностями систематизации (категоризации) и передачи информации, заложенной в текст политического дискурса в условиях прокси-войны, в общую проблематику современной лингвистики в части лингвистического изучения явлений языка, речи и речевой деятельности в синхронии и в диахронии, выявления особенностей языка средств массовой информации.

В ходе прокси-войны, развернутой странами Запада и США против России, интен-

сивность конфликта усиливается за счет противоборства информационного характера. В исследовании вслед за М. Ю. Микрюковым прокси-война понимается как конфликт, в котором в собственных интересах косвенно участвует третья сторона или несколько сторон, обеспечивающих одного из двух участников конфликта военной, организационной, ресурсной, политической и иной поддержкой, и с использованием ресурсов противоборствующей стороны якобы для разрешения там внутреннего конфликта [Микрюков 2015]. В контексте прокси-войны в информационной среде язык используется в качестве мощного суггестивного оружия борьбы с политическими оппонентами [Васильев, Подсохин 2016]. Прокси-война представляется сферой актуализации информационного конфликта — информационной войны.

Политический дискурс, в этой связи, становится наиболее востребованной средой информационного противоборства и противостояния, в которой формируется метаязык прокси-войны. Метаязык прокси-войны в текстах политического дискурса создает особую политическую риторику: «...совокупность политических дискурсов (социально-дифференциальных речевых практик) социума» [Григорьева 2007: 12] и речевых действий оценочного, оппозиционного, агрессивного характера, дестабилизирующих сложившуюся систему межгосударственных и общественных отношений и навязывающих такое понимание действительности в информационном потоке, которое бы оправдывало нарисованную автором этой риторики картину мира.

Объектом исследования выступает информационная структура политического текста, которая определяет его лексико-семантическую организацию. Предмет исследования — системно организованная лексика информационного потока, которая формирует отношение к ситуации в Украине у западных политических элит и представляет собой корпус языка прокси-войны. Информационный поток в политической риторике формируется целенаправленно и представляет собой «конструкт определенной группы лиц, обслуживающий интересы крупного капитала» [Потапова 2018: 162]. Имен-

но хорошо организованный информационный поток является технологией вербальной манипуляции сознанием целевой аудитории, механизмом когнитивной категоризации социально-политической действительности, которая «на уровне больших групп может быть объединена в понятие политической установки» [Мансурова 2009: 71].

II. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили тексты устного публичного жанра в видеозаписи (и скрипты к ним) — выступления, интервью, пресс-конференции официальных представителей внешнеполитических ведомств Великобритании и США для авторитетных информационных каналов: министра обороны США Ллойда Дж. Остина для американского информационного канала «Fox News Channel» от 27 апреля 2022 г.¹ (продолжительностью 12:43 минуты); министра иностранных дел США Энтони Блинкена для американского многонационального новостного канала «CNN News» от 1 декабря 2022 г.² (продолжительностью 10:55 минут); министра иностранных дел Великобритании Джеймса Клеверли для телевизионного и радиовещательного новостного канала Соединенного Королевства «GB News» при ООН от 23 сентября 2022 г.³ (продолжительностью 5:06 минут) и интервью министра обороны Великобритании Бена Уоллеса для британской цифровой радиостанции, принадлежащей дочерней компании американского конгломерата средств массовой информации News Corp. «News UK», «Times Radio» от 15 декабря 2022 г.⁴ (продолжительностью 20:09 минут). Выбор данного периода обусловлен обострением отношений России и коллективного Запада и, следовательно, диверсификацией политической риторики на фоне проводимой Российской Федерацией СВО в Украине.

Объект, предмет, цель и материал исследования обусловили применение следующей общенаучной методики исследования: наблюдение, описание, интерпретация и обобщение. Для лексико-семантической категоризации языка прокси-войны применялся метод семантического анализа смысловой структуры конкретных лексических

¹ Lloyd Austin: Russia's rhetoric about WWII is 'dangerous and unhelpful'. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xj7KU2XlvX8> (дата обращения: 23.01.2023).

² 'Putin is not able to succeed on the battlefield': Blinken on Russia's military tactics. URL: https://www.youtube.com/watch?v=d_YRMIp-ieM (дата обращения: 23.01.2023).

³ James Cleverly speaks to GB News about Russia at the UN security council meeting. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fIBb4G_ESyl (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ 'Russia is going to be defeated in Ukraine' | Full Interview with Ben Wallace. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UuHbcM9Gg40> (дата обращения: 23.01.2023).

единиц на основе словарных дефиниций с целью определения слов-стимулов и языковых средств выражения тематических групп, формирующих лексико-семантические категории. Поскольку текст политического дискурса представляется как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели типичных речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [Шейгал 2000: 9], в исследовании использовался метасемиотический подход к описанию корпуса мета-языка прокси-войны в текстах политического дискурса, который подразумевает интерпретацию такого содержания и использования языковых единиц, «при котором содержание и выражение становится (в целом, совокупно) либо содержанием для нового (мета) выражения, либо выражением для нового (мета) содержания» [Ахманова 2013: 230]. В работе также применялся контекстуальный метод наблюдения и описания средств выражения дополнительного содержания лексических единиц и функционирования слов в речи выступающих.

Анализ лексики политической риторики согласуется с основными принципами исследования лексической семантики, отраженными в работах О. С. Ахмановой, Н. Д. Арутюновой, Н. Н. Болдырева, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, Е. С. Кубряковой, Н. В. Пименовой, З. Д. Поповой и др.

В настоящей работе применялись основные принципы полевого подхода к исследованию лексической семантики политической риторики, когда определялась «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева 2000: 99], однако на основании выделения слов-стимулов; а также метасемиотический подход к исследованию языка, когда рассматривалось функционирование слов в речи, изучались средства выражения дополнительного содержания языковых единиц в речи, коннотации, которые слова приобретали в контексте употребления.

В ходе исследования, таким образом, был изучен корпус текстов политического дискурса; посредством анализа словарных дефиниций, интерпретации и обобщения в нем были отобраны и систематизированы по

тематическому принципу слова и словосочетания — стимулы, формирующие «системно-образующий», коммуникативно-релевантный феномен обобщенного значения в виде лексико-семантической категории языка прокси-войны [Миронова 2012: 274]. Лексико-семантическая категория, следовательно, в настоящем исследовании понимается как совокупность основных понятий и форма их существования, формирующая смысл сообщения. Классификация по тематическому принципу выявила группы лексем, описывающие представление коллективного Запада о действиях России как агрессивного актора в Украине, и группы лексем, формирующие представление об участии западных стран и США в судьбе Украины, что позволило выделить две диаметрально противоположные лексико-семантические категории языка прокси-войны, выступающие в качестве бинарной оппозиции: «Агрессия» / «Защита».

III. РЕЗУЛЬТАТЫ

По нашему мнению, западная политическая риторика в контексте прокси-войны представлена бинарной оппозицией — «Агрессия»/«Защита». Напомним, что под бинарной оппозицией в лингвистике понимается «соотношение несовместимых видовых понятий одного и того же рода, содержание которых отрицает друг друга» [Григорьева 2019: 60]. В исследовании поддерживается мнение, что биполярность является принципом категоризации семантических оппозиций, составляющих смысловые конструкты. Следовательно, в ходе анализа нами были выделены две оппозиционные лексико-семантические категории языка прокси-войны: лексико-семантическая категория «Агрессия» и лексико-семантическая категория «Защита».

Лексико-семантическая категория «Агрессия»

Обращаясь к категории «Агрессия», можно отметить, что идентификация контекста позволила выделить тематические и формальные речевые общности — тематические группы, которые способствуют формированию основных смыслов сообщений. Группы лексем, характеризующие, по мнению политиков, агрессивные действия России в ходе СВО, следующие: тематическая группа «нападение — attack», тематическая группа «результаты военных действий — results of the warfare», тематическая группа «манипуляция ситуацией — situational manipulation». Рассмотрим обозначенные группы более подробно.

Тематическая группа «нападение — attack»

Описывая действия России на Украине, политики прибегают к таким лексемам, как *aggression*, *aggressor*, *attack*, *threatening*, *directly or indirectly confronting*, *invaded Ukraine*, *damage*, *sabotage*, *a war crime*, *deliberate targeting*, *battle*, *escalations*.

Основным, ядерным словом-стимулом данной группы в интервью с политиками выступает лексема *attack*. Согласно словарю «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» (OALDC), лексема *attack* имеет следующие значения:

– *attack* — '1) an act of using violence to try to hurt or kill somebody; 2) an act of trying to kill or injure the enemy in war, using weapons such as guns and bombs' [OALDC]. — 'Нападение — 1) акт применения насилия с целью причинить кому-то боль или убить кого-либо; 2) попытка убить или ранить врага на войне с использованием оружия, такого как артиллерийское оружие и бомбы' (Здесь и далее перевод авторов статьи. — Н. С., А. Ф.). Например (здесь и далее лексемы выделены курсивом):

– «It is directly *attacking* everything» (Antony Blinken);

– «Russia renewed its *attacks* on a steel plant» (Lloyd Austin).

В приведенных примерах актуализируются оба значения лексемы *attack*, используемые обычно в текстах военного дискурса, то есть авторы характеризуют политического оппонента, Россию, как участника войны, осуществляющую военное нападение с целью уничтожения. Контекст, содержащий словосочетания *directly attacking* и *renewed its attacks*, демонстрирует оценочность, выражающую неодобрение и возмущение авторов высказываний (прямой наводкой, в прямом смысле атакуют; возобновили атаки).

Семантический анализ выявил ряд лексем, выступающих в качестве синонимических средств объективации изучаемого понятия «attack — нападение». Эти лексемы мы также относим к словам-стимулам данной группы:

– *aggression* — 'a violent attack or threats by one person against another person or by one country against another country' [OALDC]. — 'агрессия — насильственное нападение или угрозы со стороны одного лица в отношении другого лица или одной страны в отношении другой страны'. Например:

– «Russian *aggression* started»; «we have adjusted as the nature of the *aggression* is shifting» (Antony Blinken);

– «What we saw is the international community recognizing who the *aggressor* is» (James Cleverly).

Примеры демонстрируют реализацию значения лексемы *aggression* в качестве агрессивного действия, акта, которое имеет фазисность (в сочетании с фазисными глаголами *started*, *shifted*).

– *onslaught* — 'a strong or violent attack' [OALDC]. — 'нападение — мощная атака или нападение с применением насилия'. Например:

– «This is what life is like under the Russian *onslaught*» (Antony Blinken).

В данном высказывании Энтони Блинкен использует сравнение *is like*, которое в сочетании с фразой *under onslaught* приобретает контекстуальное значение «натиска», продолжающегося длительное время.

– *targeting* — 'aiming an attack or a criticism at somebody/something' [OALDC]. — 'нацеливание — намерение нападения или критики (на) кого-либо/чего-либо'. Например:

– «How concerned people are by Russia's deliberate *targeting* of civilian critical actual infrastructure»; «Russia have decided to switch to a deliberate campaign of *targeting* these infrastructure objects» (Ben Wallace).

Обращаясь к лексеме *target*, Бен Уоллес характеризует действия Вооруженных сил Российской Федерации как тщательно продуманный, спланированный акт нападения.

– *invasion/invade* — 'the act of an army entering another country by force in order to take control of / to enter a country, town, etc. using military force in order to take control of it' [OALDC]. — 'вторжение — силовой захват страны вооруженными силами с целью установления контроля/захватить — вторгнуться на территорию другой страны, используя военную силу, с целью установления контроля'. Например:

– «*The invasion* of Ukraine by Russia' (James Cleverly); 'before this conflict, this *invasion* started we were providing Ukraine with the security» (Lloyd Austin).

– *annex* — 'to take control of a country, region, etc., especially by force' [OALD]. — 'аннексировать — взять под контроль страну, область и т. д. силой'. Например:

– «...the Russians are seeking to hold shame referendum *to annex* parts of Ukraine's sovereign territory and to then use that as justification for bringing more troops into this conflict» (James Cleverly).

В представленных примерах наблюдается процесс актуализации эксплицитного языкового значения лексем *invasion/invade* и *annex*. Напомним, что эксплицитное языковое значение — это «то содержание, которое непосредственно выражено совокупностью языковых знаков, из которых это высказывание составлено. Иначе говоря, значение

(эксплицитное содержание) — это то, что сказано „открытым текстом“. Значение высказывания воспринимается более или менее одинаково всеми носителями данного языка в той мере, в какой они владеют соответствующими словами и понятиями; в этом смысле оно объективно» [Долинин 2005: 7]. Мы полагаем, что несвойственная для политической риторики реализация эксплицитного значения языковых единиц обусловлена метасодержанием лексем, которое формирует высшую степень негативной оценочности событий, характеризующих анализируемыми микроконтекстами, и проводится с целью стереотипизации описываемых действий и «навешивания ярлыков».

Негативно-маркированная лексика со значением ‘нападения’ в представленных примерах отражает намерение демонизировать Россию в текущих политических и военных реалиях. Контекстуальный анализ материала представляет нападение России как нечто ожидаемое (*aggression started, the invasion started*), политики сравнивают специальную операцию с намеренной, запланированной кампанией (*a deliberate campaign*) по захвату территории другого государства (*to annex parts of sovereign territory*), которая характеризуется поражением конкретных целей (*deliberate targeting, directly attacking, damaging*) и является, в конечном счете, военным преступлением и предпосылкой начала ядерной войны («<...> a war crime» (Ben Wallace), «<...> a possible nuclear war» (James Cleverly)).

Для модификации когнитивного восприятия в политических целях и максимального фокусирования аудитории на предлагаемой позиции возмущения и осуждения [Чудинов: 2002], политики также используют выразительные языковые средства, такие как сравнения *as quickly as possible*, эпитеты *relentless, barbaric, very deliberate, entire, literally*, повышая тем самым степень напряжения.

Особо следует отметить в этой связи стереотипизацию идеологического номинатива «образа врага» — России в лице президента, прослеживаемую в выступлении Энтони Блинкена, отсыл к президенту России при описании личного и «западно-коллективного» отношения к происходящему на Украине: «How president Putin and the Russian military», «Putin's ratcheting up his missile attack, his missile wars against these cities», «The head of NATO, Jens Stoltenberg, he talked about weaponizing winter. That is exactly what Vladimir Putin is doing» (Antony Blinken).

Полагаем, что в речевых дискурсах политиков реализуется семантическая уловка

жонглирования понятиями, поскольку объективное представление специальной операции России идет вразрез с мотивированием действий Североатлантического альянса в прокси-войне. Предпосылки начала специальной военной операции — расширение НАТО на восток, растущая русофобия на территории Украины и в странах Запада полностью игнорируются, однако позиционируется «варварское» нападение России — *that is barbaric; this is the brutalization of a country* с целью захвата территории чужого государства — *the Russians are seeking to hold shame referendum to annex parts of Ukraine's sovereign territory*. Такие лексемы, как *barbaric, brutalization*, формируют устойчивый образ России и запускают механизм когнитивной категоризации в сознании и мировоззрении общества, механизм внедрения определенных ценностей и искоренения других. Основной задачей высокопоставленные чиновники ставят вызов реакции аудитории и настрой масс на переход от рационального сознания к раздраженному состоянию, максимально экспрессивной степени осуждения действий России, которое необходимо для оправдания проводимой политики в контексте прокси-войны.

Следующая группа лексем, формирующая тематический блок лексико-семантической категории «Агрессия», служит средством объективации понятия «результаты военных действий — *results of the warfare*», достигаемых, по мнению стран Запада и США, Российской Федерацией в ходе СВО.

Тематическая группа «результаты военных действий — *results of the warfare*»

К словам-стимулам данной группы можно отнести глаголы *fail* и *defeat*. В тезаурусе находим следующие значения выделенных лексем:

– *fail* — ‘1) to not be successful in achieving something, 2) to be unable to continue’ [OALDC]. — ‘Потерпеть неудачу — 1) не быть успешным в достижении чего-либо, 2) быть неспособным продолжать’;

– *defeat* — ‘1) to win against somebody in a war, competition, sports game, etc., 2) to stop something from being successful’ [OALDC]. — ‘Разбить — 1) победить кого-то в войне, соревновании, спортивной игре и т. д., 2) помешать чему-то быть успешным’.

Таким образом, мы видим, что *defeat* — это выраженное поражение на поле боя, а *fail* актуализирует значение неудачи в условиях военных действий. Например:

– «a way to defeat them, and what you're seeing in Ukraine successfully is basically our tactics being used against Russia, in a way we

always thought it would be with the result being... Russia has *not* been *successful*» (Ben Wallace);

– «This is precisely because Putin is *not able to succeed* on the battlefield» (Antony Blinken);

– «The goal is to weaken Russia at the end of this conflict, why not say *defeat* Russia? Are you expecting Russia to *pull back* to the pre-February 24th lines or the pre-2014 lines?»; 'They (Ukrainians) were *successful* in stopping the advance of the Russians in a number of places around the country and *defeating* the Russians in the north» (Lloyd Austin);

– «Russia *failed* sort of front line battle'; 'Russian people will see through this call for mass mobilization that the invasion of Ukraine by Russia is *not succeeding*, and what we also saw across the world is people wanting to resolve this, but wanting to resolve it in a way that gives Ukraine back to the Ukrainian people» (James Cleverly).

Следует отметить, что обращаясь к лексемам с семой «неудачи», «провала», риторы формируют ментальную структуру, особый речевой код, предопределяющий политическую установку на веру в полное поражение России в ходе СВО.

В тематическую группу лексем «результаты военных действий — results of the warfare» мы также относим лексемы *successful*, *succeed* при употреблении с частицей *not*, выступающие в качестве референций к понятию неудачи. Нейтральные лексемы (*not*) *succeed* — (*не*) *преуспевать*, (*not*) *successful* — (*не*) *успешный* раскрывают непрямую характеристику результатов действий военных Вооруженных сил России. По нашему мнению, обозначенные лексемы можно отнести к эвфемизмам. Уточним, что эвфемизмы выступают в качестве «средств непрямого способа номинации для более эффективного достижения целей высказывания», которые характеризуются низким уровнем конкретности смыслового наполнения, что позволяет смягчать негативную оценку денотата [Потапова 2018: 164]. Полагаем, что эвфемизмы (*not*) *succeed* — (*не*) *преуспевать*, (*not*) *successful* — (*не*) *успешный* в контексте политической риторики смягчают интенсивность оценочной коннотации, отражающей уверенность в поражении.

В выступлениях официальных представителей внешнеполитических ведомств Великобритании и США наблюдается высокая частотность чередования лексем со значением «неудачи»: *not successful*, *failed*, *defeating*. Так, Джеймс Клеверли заявляет, что Россия «проиграла» на линии фронта; Ллойд Остин и Бен Уоллас отмечают успехи украинских военных, употребляя лексему

defeat, *defeated* — *разбить*, *разбили*, периодически уточняя, что российские вооруженные силы *not successful* — *не имеют большого успеха*. Полагаем, что повторение односемных лексем используется в качестве психологического воздействия с целью «приучения» целевой аудитории и, главное, оппонента к нужной мысли. Следовательно, можно говорить о повторе как средстве создания дополнительного метасодержания языковых единиц в речи, коннотации усиления, нагнетания: безуспешны → провальные → разбиты, которую приобретают слова в контексте. Актуализация значения указанных лексем на метасемантическом уровне выполняет функцию вербальной манипуляции, пропаганды.

Наряду с проанализированными лексемами, политики Североатлантического альянса прибегают к употреблению фразовых глаголов со значением 'поражения, отступления', таких как *push back*, *pull back*, по всей видимости, для придания максимальной определенности событиям и для создания определенного конструкта в сознании реципиентов относительно политического объекта. Манифестация референсного значения 'неудачи, провала' на поле боя позволяет нам отнести обозначенные глаголы к тематической группе «результаты военных действий — results of the warfare». Например:

– «*Push back* the Russian aggression» (Antony Blinken);

– «the goal is to weaken Russia at the end of this conflict, why not say *defeat* Russia? Are you expecting Russia to *pull back* to the pre-February 24th lines or the pre-2014 lines?» (Lloyd Austin).

Политической риторике периода СВО свойственна манифестация намерения ослабления России (*to weaken Russia*) и формирования успешного противодействия, отпора. Неслучайно Ллойд Остин использует стилистически маркированные глаголы отражения атаки нападающего: *to blunt advance*, *to repel advance*. В словаре находим такие значения глаголов:

– *blunt* — 'to make something weaker or less effective' [OALDC]. — 'ослаблять — делать слабее или менее эффективным';

– *repel* — 'to successfully fight somebody who is attacking you, your country, etc. and drive them away' [OALDC]. — 'побеждать — успешно бороться с кем-то, кто нападает на вас, вашу страну и т. д., прогонять; отбрасывать'.

Например: «We had it there in sufficient time for Ukraine to be able to *fight a credible fight*, and to be able to *blunt* Russia's advance and eventually *repel* Russia's advance» (Lloyd Austin).

Примечательно, что именно в контекстуальном значении, в сочетании с существительным *advance*, глагол *blunt* приобретает значение 'наносить поражение', то есть можно говорить о формировании нового метавыражения языка прокси-войны.

Поскольку осознание воспринимаемой речи является неременным компонентом коммуникации, можно утверждать, что обозначенные слова и словосочетания — стимулы, наряду с синонимическими и референсными средствами выражения, представляют собой такой способ объективации понятия 'неудачи на поле боя', провоцирующей дальнейшую агрессию, который задает формальную речевую общность всей тематической группы «результаты военных действий — results of the warfare».

Однако, отмечая способность «остановить продвижение России» и что Россия «не может добиться большого успеха», политики дезинформируют аудиторию, пытаются убедить, что «все идет по плану», альянс «держит ситуацию под контролем», тем самым выдавая желаемое за действительное.

Представленная позиция не может считаться объективной, поскольку основывается на предположениях, планах, а не фактах. Неслучайно, в этой связи, использование таких лексем, как *believe*, *goal* («The goal is to weaken Russia at the end of this conflict»; «<...> we want to make sure that as this fight evolves, that the Ukrainians have what they need to be successful, and they can be successful, they believe that and by the way I believe that and all of those nations that were in the room today they believe that as well» (Lloyd Austin)), которые входят в область намерения, а не утверждения. Такие слова с общей семантикой представляют неопределенность, и Ллойд Остин однозначно указывает на то, что это украинская сторона надеется на успех в ходе военных действий, это у них есть вера и цель. Анализ высказываний показывает, что цель поставлена, но не достигнута. В формулировках риториков также прослеживается указание на оборонительный, а не наступательный характер действий украинской стороны, что служит доказательством выражения желаемого как действительного не только для Украины ('(Ukrainians) have a will to fight'), но и для стран НАТО ('and by the way I believe that'). Можно с уверенностью утверждать, что смещение области акцентирования результатов СВО служит принципом завуалированности нежелательной дискуссии и отражения действительности и, следовательно, средством манипуляции сознанием целевой аудитории.

Рассмотрим тематическую группу «**манипуляция ситуацией — situational manipulation**».

Под манипуляцией российской стороной западными политиками понимается и пропагандируется ситуация с разрушением инфраструктуры Украины российскими обстрелами, которая приводит к отключению систем жизнеобеспечения украинцев.

Описывая результаты российской агрессии, представители внешнеполитических ведомств Великобритании и США прибегают к использованию таких лексем, как *turn off (the lights, water, the heat)*, *weaponizing winter*, *destroyed*, *targeting infrastructure*.

Мы полагаем, что словами-стимулами обозначенной группы выступают глаголы *turn off* и *destroy*, поскольку они формируют необходимую отрицательную реакцию получателя информации.

В тезаурусе находим следующие значения глаголов:

– *Turn off* — 'to stop the flow of electricity, gas, water, etc. by moving a switch, button, etc.' [OALDC]. — 'Выключить — остановить поток электричества, газа, воды и т. д. путем перемещения выключателя, кнопки и т. д.';

– *Destroy* — 'to damage something so badly that it no longer exists, works, etc.' [OALDC]. — 'Уничтожить — повредить что-то настолько сильно, что оно больше не существует, не работает и т. д.' Обратимся к примерам.

– «He is going after the entire energy and electric infrastructure. He wants to turn off the lights. He wants to turn off the water, turn off the heat. That comes at a time when Ukraine is headed into the winter» (Antony Blinken).

В контексте прокси-войны Энтони Блинкен описывает Россию как страну с доступом к объектам инфраструктуры, которая способна при необходимости «перекрыть кран» и, соответственно, «выключить воду, свет» и так далее. Таким образом, можно говорить о стереотипизации и метафоризации как процесса формирования образа России, когда государство представляется неким механизмом или человеком, который может при желании «отключить» от систем жизнеобеспечения. Например:

– «President Putin is using energy as a weapon»; «Are we going to let him (Putin) win? Are we going to do that?»; «He'll be back for more»; «He's going to the gas tap off» (James Cleverly).

Метафоры *use energy as a weapon* мы относим к эмфатическим средствам объективации исследуемого понятия.

Известно, что метафора, или метафорическая модель, — это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, при которой система

фреймов (слотов, концептов) одной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования понятийной системы другой сферы (сферы-мишени) [Чинарова 2009].

Дж. Клеверли, описывая гуманитарную ситуацию на Украине, переходит на личности, обвиняя президента России в созданном энергетическом коллапсе в соседнем государстве: «Putin is using energy as a weapon». В приведенном примере сфера-источник — это существительное *weapon* — оружие, а сфера-мишень — это абстрактное существительное *energy* — газ. Тезаурус дает следующие значения лексемы *weapon*:

1) 'an object such as a knife, gun, bomb, etc. that is used for fighting or attacking somebody';

2) 'something such as knowledge, words, actions, etc. that can be used to attack or fight against somebody/something' [OALDC].

Мы видим, что *weapon* — это некий предмет или действие, используемое для нападения или борьбы с кем-либо или чем-либо, что делает метафорическое сравнение использования энергии в качестве оружия особенно эмфатичным.

Дж. Клеверли преследует цель обвинить российского президента и навязать целевой аудитории создаваемый им образ «абсолютного зла», «врага». Энергия в зимний период жизненно необходима, однако Дж. Клеверли отмечает, что в военных условиях такой необходимый ресурс может быть использован в качестве оружия, если его отключить или разрушить. Очевидна манипуляция сознанием, навязывание отрицательного мнения и оценки.

Использование в качестве семантической уловки фразы «He'll be back for more», являющейся аллюзией к герою американского научно-фантастического фильма 1984 года «The Terminator (Терминатор)» роботу-терминатору, указывает на цель — уничтожение, что еще больше накаляет атмосферу, показывая, что на этом Россия не остановится, в будущем ситуация может только усугубиться.

В выступлениях политиков фиксируется эмоционально маркированная лексика, формирующая образ России как разрушительной силы, которая манипулирует ситуацией в украинском конфликте: *a very deliberate way, deliberate campaign, back for more, going after infrastructure, targeting*. Например:

– «Russia's deliberate *targeting of Civilian critical actual infrastructure* which is not only very damaging to Ukraine's economy but also it's actually a war crime, it is against the Geneva conventions to deliberately target those type of infrastructures»;

– «Russia has decided to switch to *a deliberate campaign of targeting these infrastructure*

*objects to, you know, putting people in darkness and making businesses close. <...> Russia continues to do that, and remember that is against all those International humanitarian laws. <...> when it started *targeting* you know, *housing and civilian set*, parts of places like Kiev» (Ben Wallace).*

Примечательно, что такими высказываниями, как *putting people in darkness and making businesses close*, риторы пытаются максимально экспрессивно передать степень осуждения агрессивного, по их мнению, участника военного противостояния («that is against all those International humanitarian laws» (Ben Wallace)). Подобные резкие высказывания исключают возможность какого-либо компромисса с оппонентами, позиция заявителей рассматривается как единственно правильная. Однако очевидно проявление политики двойных стандартов, свойственной современному Западу и США: политики намеренно избегают упоминания и, следовательно, осуждения уничтожения инфраструктуры ДНР и ЛНР украинской стороной.

Таким образом, в текстах политического дискурса выявлены слова и словосочетания — стимулы, выступающие как средство идентификации сигналов, формирующих понятийные общности: «нападение — *attack*», «результаты военных действий — *results of the warfare*», «манипуляция ситуацией — *situational manipulation*», которые формализуют метаязык прокси-войны и способствуют пониманию основного смысла сообщения политиков — представления России в роли «агрессора». Безусловно, рассмотренные лексические единицы характеризуют отношение политиков к настоящей ситуации, а их контекстуальная актуализация реализует технологию вербальной манипуляции сознанием людей, получающих информацию.

Однако подобная вербальная манипуляция в западной политической риторике характеризуется двойным воздействием. С одной стороны, открыто посылается сообщение о России исключительно как враге Украины, с другой — в речи политиков «закодирована» информация о представляемой угрозе со стороны России для всех стран Запада. И, следовательно, прокси-война может быть оправдана благими целями «защиты» народов и территорий суверенных государств. Соответственно, «защита» в нашем исследовании выступает в качестве оппозита «агрессии».

Лексико-семантическая категория «Защита»

Лексико-семантическая категория «Защита» манифестирует позицию Великобритании и США по отношению к конфликту на Украине и формирует чувство сплоченности

и согласованности действий в оказании все-сторонней помощи Украине.

Контекстуальный анализ фактического материала позволил определить тематические и формальные речевые общности, упорядочивающие информационную структуру политических текстов. Условно их можно разделить на следующие группы: «скоординированная политика — *coordinated policy*»; «оправдание внешнего вмешательства — *substantiation of foreign interference*»; «помощь Украине — *support of Ukraine*».

Тематическая группа «скоординированная политика — *coordinated policy*»

Обращаясь к тематической группе «скоординированная политика — *coordinated policy*», можно выделить следующие единицы: *focused, working together, make sure, meet, listen to, 'consulting', coordination, work* и др.

Ключевым словом-стимулом данной группы мы считаем лексему *coordination*. В тезаурусе находим следующее значение лексемы:

– *coordination* — ‘the act of making parts of something, groups of people, etc. work together in an efficient and organized way’ [OALDC].

В контексте проводимой странами НАТО политики объединение усилий по поддержке сателлита представляется инструментом защиты от постоянной исторической угрозы. Любая работа в данном направлении проходит в тесном сотрудничестве и по согласованию со всеми участниками оппозиции, поэтому в группу слов-стимулов мы также включили лексему *consultation*:

– *consultation* — ‘a formal meeting to discuss something’ [OALDC].

В текстах политических выступлений денотативные значения стимулов — ‘действие по организации совместной работы эффективным образом’, ‘официальная встреча для обсуждения чего-либо’ — актуализируются с целью создания такого сообщения, которое бы формировало нужное понимание проводимой политики стран НАТО. Приведем примеры, в которых риторы объективируют обобщенное понятие ‘скоординированной политики’.

– «<...> every step along the way, in *consultation with them, in consultation with allies and partners*»; «the Pentagon is looking at this. They are listening to the Ukrainians. They are *consulting* the allies and partners. If we don't have something, we are trying to find elsewhere. That is part of this entire *coordination process*» (Antony Blinken).

Энтони Блинкен указывает на то, что любые решения стран НАТО подлежат строгому согласованию со всеми участниками обсуждения и особенно с Пентагоном, весь

процесс оказания помощи Украине четко регламентирован в ходе проводимых встреч и консультаций.

Следовательно, к средствам манифестации ‘скоординированной политики’ мы также относим лексемы с семой ‘совместности’, такие как *meet* и *work together*, которые способствуют идентификации смысла сообщения:

– *meet* — ‘to come together formally in order to discuss something’ [OALDC]. — ‘встречаться — собраться вместе формально для того, чтобы что-то обсудить’.

Энтони Блинкен рапортует, что в Рамштайне осуществляются встречи для обсуждения действий Североатлантического альянса: «That is in Ramstein, Germany. They *meet regularly to make sure* the Ukrainians get what they need and when they need it» (Antony Blinken).

– *work together* — ‘to make efforts to achieve something’ [OALDC] — ‘работать вместе — приложить усилия для достижения чего-то’.

Значение лексемы *work together*, наряду с семой ‘совместности действий’, актуализирует значение ‘координации усилий’ для достижения запланированного.

В этой связи Энтони Блинкен добавляет в своем выступлении, что сейчас самое время максимально сфокусироваться на том, чтобы дать отпор в путинской войне: «they needed to *deal with Putin's war*. That process continues. We are now very *focused*. And not just us, but many other countries. We are *working together to make sure* that the Ukrainians get those systems as quickly as possible» (Antony Blinken).

Выступающий уточняет, что принимаемые решения должны быть совместными, последовательными, выверенными и результативными, согласно ожиданиям Пентагона, поэтому в выступлении Энтони Блинкина мы встречаем такие лексемы, как *focused, make sure*, которые мы также включаем в корпус языка прокси-войны. Например:

– «the Pentagon is *focused* on at what we do; we *make sure* that at any given time they have the most effective systems possible to deal with the threat they are facing» (Antony Blinken).

Следует заметить, что словосочетание *make sure* является идиоматическим и выражает оценочность при употреблении, однако в сочетании с местоимением *мы* — *we* актуализирует значение ‘согласованности, скоординированности, совместности действий’.

К данной группе слов-стимулов мы также относим лексему *message*, поскольку полагаем, что все совместные действия стран Запада и США организованы, чтобы добиться своих политических целей и донести до мирового сообщества необходимость в объединении

против общего «врага». Тезаурус приводит следующее определение лексемы *message*:

– *message* — ‘an important moral, social or political idea that a book, speech, etc. is trying to communicate’ [OALDC]. — ‘сообщение — важная моральная, социальная или политическая идея, которую пытается донести книга, речь и т. д.’

Адгерентная оценочность речевого сигнала *message* как важной моральной, социальной или политической идеи обусловлена контекстуальными и ситуативными факторами, которые способствуют формированию понятия объединения усилий, то есть посылка к объединению. Например:

– «<...> if the *message* that we send is that we are not determined enough, that we don't have the strategic endurance to see these things through, then the world becomes a less safe place and other people will seek to steal territory from their neighbors» (James Cleverly);

– «<...> *World leading capabilities* will make a difference to the Ukrainians, but also send a *very strong message*»; «Britain says: «Well, look, you know we may have some other capabilities that we have not today given, that we would examine to give to Ukraine» (Ben Wallace).

В приведенных примерах особого внимания заслуживают интенсификаторы *very* и *strong*, которые, в сочетании с лексемой *message*, придают дополнительную коннотацию настойчивости организованному «посылу». Подобным образом в политических выступлениях внушается, что решения принимаются и действия предпринимаются в связи с возникшими или особыми обстоятельствами.

Отдельно следует отметить словосочетание *world leading capabilities*, которое в контексте посылки собрать все «мировые усилия», то есть объединиться, также свидетельствует об актуализации семы ‘совместности’ и формировании понятия «скоординированная политика — *coordinated policy*».

Метасемиотический анализ показывает, что *world leading capabilities* — эвфемизм, образованный с помощью синекдохи, когда имеется в виду часть, но называется целое. Очевидно, что Б. Уоллес, говоря о ситуации на Украине, призывает объединить усилия (по всей видимости, по организации дальнейшей поддержки) каждой отдельно взятой страны. Невозможно иметь общие мировые ресурсы, они принадлежат и разрабатываются в отдельных странах. Поэтому словосочетание с размытым референсным значением «мировые возможности» используется вместо словосочетания «каждая отдельно взятая страна».

Значимое место в данной группе лексем занимает местоимение *we*, поскольку может

служить маркером ‘скоординированности и политической инклюзивности’. Например:

– «<...> what we are saying today is we see what *they* are doing we are going to call it out and we are going to reject it» (James Cleverly);

– «<...> that process continues. *We* are now very focused. And not just *us*, but many other countries» (Antony Blinken);

– «<...> once it was invaded, *we* and other and *our* allies picked up the pace in terms of providing meaningful security assistance» (Lloyd Austin).

Местоимение *we* в текстах политического дискурса актуализирует значение сближения говорящего с целевой аудиторией и выступает в качестве мощного приема вербальной манипуляции, заставляя слушающего поверить во включенность в особый политический процесс или политический коллектив. Кроме того, семантика местоимения *we* отражает общность и совместность, а в случае с ситуацией на Украине еще и сплоченность стран Запада и США в принятии решений и организации действий.

Тематическая группа «оправдание внешнего вмешательства — *substantiation of foreign interference*» охарактеризована следующими лексемами: *reaction, going further, response to behavior, have taken steps, carry on, the right thing* и др.

Основным словом-стимулом данной группы выступает лексема *response* в следующем значении согласно словарю:

– *response* — ‘a reaction to something that has happened or been said’ [OALDC]. — ‘ответ — реакция на что-то, что произошло или было сказано’. Обратимся к примерам.

– «<...> we'll make an announcement so Russia understands that it's a *response* to their behavior» (Ben Wallace);

– «I don't want to speculate on any kind of *response* that we would, we would make, what my job is to offer the President a range of options for anything that happens and I feel confident that I can do that» (Lloyd Austin).

В приведенных примерах лексема *response* актуализирует значение реакции на изменение поведения людей. Б. Уоллес прямо говорит, что ‘будет сделано заявление, чтобы Россия поняла, что это ответ на их поведение’.

В качестве синонимических средств объективации обобщенного понятия оправдания коллективного *внешнего вмешательства*, позиционируемого как ответ на действия России в СВО, мы выделяем в первую очередь лексемы *reaction* и *behavior*, которые маркируются в тезаурусе в качестве синонимов к лексеме *response*.

Б. Уоллес, объясняя поставки вооружения на Украину, отмечает, что это часть осу-

ждения, что такая реакция — это совершенно нормально.

– «<...> that's why I sent very high velocity anti-air missiles; it, that you know there is a *reaction* to this type of *behavior* and I think it's perfectly normal» (Ben Wallace).

В примере актуализируется адгерентная оценочность речевого сигнала *reaction* в контексте сообщения под влиянием сочетания языковых единиц *a reaction to this type of behavior* и коммуникативной ситуации.

Мы полагаем, что в данном контексте Б. Уоллес обращается к скрытому воздействию на аудиторию, чтобы создать впечатление, что все, что он говорит, это естественно и неизбежно. Косвенное наименование эвфемистического характера демонстрирует стремление автора завуалировать типичную политику вмешательства во внутренние дела других стран. Вместо прямого значения — 'ведение прокси-войны против России', политик использует 'reaction to this type of behavior'. Вне контекста актуализируемое метасодержание нераспознаваемо, поскольку выводится не только из прямого значения слов, но и значения антецедента 'ведение прокси-войны'. Напомним, что под антецедентом понимается «предшествующая единица высказывания, с которой соотносится последующая единица» [Словарь лингвистических терминов. Жеребило].

Следует отдельно отметить употребление местоимений *they, their, we* в качестве концептуальной оппозиции, отражающей противопоставление 'своего и чужого', а в контексте прокси-войны — 'истинного и ложного' при оправдании методов «защиты», избранных коллективным Западом и США, что приводит к формированию комплекса ассоциативных реакций на стимул: реакция → неприятие → оппозиция → осуждение — и свидетельствует об образовании устойчивой тематической общности: «оправдание внешнего вмешательства — *substantiation of foreign interference*» через осуждение противника.

Метасемиотический анализ сообщений, подразумевающий анализ косвенных референций, позволяет отнести к исследуемой тематической группе идиоматическое выражение *go further*. В выражении *go further* признак продолжения действия используется в качестве идентификатора значения:

– *go further* — 'to last longer; to serve more people' [OALDC]. — 'идти дальше — продержаться дольше; служить большему количеству людей'. Например:

– «<...> the right thing also to do is to indicate through Parliament that we will consider *going further*» (Ben Wallace).

Размытое *go further* служит в качестве оправдания вмешательства в ход военных действий на Украине, наряду с отрицанием прямого участия в войне. Прослеживается попытка охарактеризовать «покровительство» украинской стороне как реакцию на несправедливые, недемократические действия России, попытка завуалировать, придать некую опосредованность собственной заинтересованности в затягивании конфликта:

– «<...> the environment that has unlocked support for Ukraine» (Ben Wallace);

– «I don't want to speculate on any kind of response that we would, we would make» (Lloyd Austin);

– «<...> do a deal with Russia, it's the best interest for Britain'; 'convince them that they might be wrong» (James Cleverly).

Все действия в рамках прокси-войны позиционируются как нечто позитивное, в отличие от действий России в лице президента В. Путина, который, по словам министра иностранных дел Великобритании, лжет:

– «*Putin* said there was not going to be an invasion and we now know he *lied*».

Э. Блинкен отмечает, что США не воюют с Россией, воюет Украина:

– «<...> we're *not in a fight* with Russia the *Ukraine is in a current struggle* with Russia» (Antony Blinken).

Политик также утверждает, что США беспокоит исключительно положение дел внутри своей страны, безопасность США:

– «<...> no matter what happens and I think the president feels confident and not only our ability *to protect ourselves* but our, my ability to offer a range of options that gives the president adequate choices» (Antony Blinken).

В примерах использован контекстуальный перенос, референсный сдвиг для сохранения образа мирного государства. Однако игнорировать СВО на Украине Североатлантический альянс не может, поскольку это, по мнению представителей внешнеполитических ведомств, создает прямую угрозу всему миропорядку, годами выстраиваемому коллективным Западом и США, и расходится с интересами НАТО:

– «<...> to help *promote peace and security*» (James Cleverly);

– «We discuss our *interests, our intentions, our policies*» (Antony Blinken).

Очевидно желание стран Запада и США получить одобрение за оказываемую Украине поддержку в контексте прокси-войны:

– «<...> people wanting to resolve this» (James Cleverly).

Использование слов-амеб, то есть слов с размытыми семантическими границами, не связанными с контекстом реальной жизни,

вроде *security, peace, intensions, interests, policies*, создает позитивный образ «защитника» и примера добродетели и является частью манипуляции сознанием людей.

Что касается **тематической группы «помощь Украине — support for Ukraine»**, следует отметить, что со стороны коллективного Запада и США Украине оказывается многоуровневая поддержка: политическая и правовая, военно-техническая и тактическая, финансовая, гуманитарная.

Следовательно, можно отметить такие лексемы, как *contribute, provide; maintain (maintaining their momentum), gifts (gifted billions of dollars), donations, buy or procure weapons; assistance to Ukraine, support, help* и др.

Основным словом-стимулом данной группы выступает лексема *support*. В словаре находим следующие значения лексемы:

– *support* — ‘1) approval that you give to somebody/something because you want them to be successful, 2) money or goods that you give to somebody/something in order to help them, 3) sympathy and help that you give to somebody who is in a difficult or unhappy situation’ [OALDC]. — ‘поддержка — 1) одобрение, которое вы даете кому-то / чему-то, потому что вы хотите, чтобы они были успешными, 2) деньги или товары, которые вы даете кому-то / чему-то, чтобы помочь им, 3) сочувствие и помощь, которую вы даете кому-то, кто находится в трудной или несчастной ситуации’.

Контекстуальный анализ эмпирического материала позволил определить, что в контексте прокси-войны и действий стран Запада и США актуализируются все представленные значения лексемы *support*, которые демонстрируют многоуровневость поддержки Украине.

Уровень политической и правовой поддержки

Сема ‘поддержки’ актуализируется в лексемах *help* и *assistance*, которые мы также относим к стимульным, поскольку они являются синонимическими средствами объективации обобщенного понятия. Согласно тезаурусу,

– *help* — ‘1) the act of helping somebody to do something, 2) the act of helping somebody who is in danger, 3) advice, money, etc. that is given to somebody in order to solve their problems’ [OALDC]. — ‘помощь — 1) акт помощи кому-то сделать что-то, 2) акт помощи кому-то, кто находится в опасности, 3) совет, деньги и так далее, которые даются кому-то для решения его проблем’;

– *assistance* — ‘help or support’ [OALDC]. — ‘содействие — помощь или поддержка’.

Таким образом, мы видим, что *help* и *assistance* — это содействие кому-либо или

чему-либо; действия или средства, облегчающие, упрощающие что-либо. Обратимся к примерам.

– «<...> the International Community is determined to help Ukraine protect itself» (Ben Wallace);

– «<...> we were providing Ukraine with the security assistance to be able to defend itself»; «<...> certainly countries want to support them in their effort to defend their democracy»; «Ukraine has a right to protect itself and we're going to continue to support Ukraine»; «40 nations not just from Europe but from you know nations from the indo-pacific and in a number of places because they are interested in helping a country protect the sovereign territory and also maintaining a rules-based international order» (Lloyd Austin).

Очевидно, что в контексте прокси-войны помощь и поддержка характеризуются как стратегические. На уровне политической и правовой поддержки министры США и Великобритании апеллируют к демократическим ценностям и международному праву, говоря о территориальной целостности Украины, характеризуя помощь как защиту, например: *to protect itself, protect the sovereign territory, foundation principles of the United Nations*. Следовательно, можно говорить о понятийной общности, формирующей риторику политического сообщения.

Министр иностранных дел Великобритании предпринимает очередную попытку «навешивания ярлыков» и разоблачения, прибегая к «направленной субъектной» агрессии [Каблуков 2006: 44] в своей риторике, косвенно «атакуя» Россию в контексте информационного противостояния, противопоставляя лексемы со значением ‘поддержки’ лексеме ‘агрессивности’. Например:

– «<...> the international community recognizing who *the aggressor is* and recognizing the importance of countries being able to defend their own sovereign territory. These are foundation principles of the United Nations».

Уровень военно-технической и тактической поддержки

Военно-техническая и тактическая поддержка Украины выражается в регулярных объемных поставках противоздушных и крылатых ракет, снарядов, артиллерии, бронемашин, оснащения, систем связи. Неслучайно использование военных терминов и специальной лексики в выступлениях политиков, что также формирует язык прокси-войны. Например:

– «<...> that's why I sent very high velocity anti-air missiles»; ‘the US is poised to send Advanced Patriots missiles to Ukraine to help combat some of the long-range ballistic and

cruise missiles that Russian forces are firing'; 'more 155 shells or more 152 shells <...> from around the world to make sure Ukraine is supported through 2023» (Ben Wallace);

– «<...> they'll need different kinds of things to be able to shape that fight a bit better so, we're looking at *long-range artillery and tanks and armored vehicles* and those types of things» (Lloyd Austin);

– «We are now very focused on *air defense systems* and not just us, but many other countries. We are working to make sure that the Ukrainians get those systems as quickly as possible but also as effectively as possible making sure they are *trained on them*, making sure they *to maintain them*» (Antony Blinken);

– «<...> we just recently provided them with a *very effective system* that they are using very effectively. Before that, we had *the HIMARS*. They used to get that in great effect» (Antony Blinken);

– «<...> we want to get them *the defensive weapon systems* they need» (Antony Blinken).

В выступлениях политиков отмечается прямое участие НАТО в подготовке военных ВСУ, обучении применения техники НАТО (*they are trained on them, making sure they have the ability to maintain them*). В контексте прокси-войны политики стран Запада и США придают положительную коннотацию организованной поддержке, поскольку она направлена против «агрессора».

Министр иностранных дел России С. Лавров 23 января на пресс-конференции после переговоров с главой МИД ЮАР отметил, что «Когда мы говорим о том, что там происходит, на Украине, мы говорим о том, что это уже не гибридная, а почти настоящая война, которую Запад долго готовил против России, стремясь уничтожить все русское»⁵.

Следовательно, пополнение корпуса языка прокси-войны терминологическими единицами — номинативами базовых единиц, стоящих на вооружении различных стран, обусловлено временной и пространственной соотнесенностью понятий, то есть конкретной ситуацией во временном промежутке и пространстве.

Уровень финансовой поддержки

Говоря о финансовой поддержке, следует отметить финансовые вливания в военные действия на Украине. Можно говорить о включении в корпус языка прокси-войны лексем, связанных с денежными единицами: *euro, dollars*; а также с суммами: *billion, million*. Например:

– «I draw you any further on the *600 million euro fund* that's now been amassed which the

UK and the Danes are leading to try and buy or procure the sorts of weapons or ammunition that we don't have *to contribute* to the moment» (Ben Wallace).

Бен Уоллес отмечает, что в Украину вложили уже миллиарды и миллиарды долларов, миллионы евро, и будут продолжать финансирование столько, сколько потребуется.

– «<...> we've all *gifted billions and billions of dollars* worth of equipment across Europe and across the world'; 'we've got to think about the long term and so between us raising this *fund* Norway's been incredibly *generous* the Netherlands have been very generous and even Iceland have done a *donation* that has raised nearly 600 million Euros and will start making sure that we can use that *to help Ukraine*» (Ben Wallace).

В представленных примерах актуализируется сема 'финансовой поддержки' Украины. Следовательно, в корпус языка прокси-войны можно отнести такие слова-стимулы, как *gift, donation, contribute*. В словаре находим следующие значения выделенных лексем:

– *gift* — 'a thing that you give to somebody, especially on a special occasion or to say thank you' [OALDC]. — 'дар — вещь, которую вы дарите кому-то, особенно по особому случаю или в качестве благодарности';

– *donation* — 'something that is given to a person or an organization such as a charity, in order to help them; the act of giving something in this way' [OALDC]. — 'безвозмездная передача — то, что дается человеку или организации, такой как благотворительная организация, с целью оказания им помощи; акт предоставления чего-либо таким образом';

– *contribute* — 'to give something, especially money or goods, to help achieve or provide something' [OALDC]. — 'оказывать содействие — отдавать что-либо, особенно деньги или товары, чтобы помочь достичь или обеспечить что-то'.

Отмечаем, что в высказываниях политиков манифестируется качество оказываемой поддержки. На наш взгляд, происходит семантическая манипуляция, то есть ценностное манипулирование, когда авторы высказывания подбирают положительно-маркированные лексемы *gift, donation, contribute* для того, чтобы увести целевую аудиторию от негативных ассоциаций, связанных с получением информации, и, соответственно, заручиться одобрением. Кроме того, использование лексемы *gift* несет в себе еще и исторический смысл, поскольку является способом выражения благодарности стран Запада и США в предоставленной возможности

⁵ Пресс-конференция С. Лаврова и Н. Пандор, Йоханнесбург, 23 января 2023 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cYeyDUt5fS0> (дата обращения: 23.01.2023).

реализовать намерения в отношении России — ослабить и подчинить своему политическому влиянию.

Уровень гуманитарной поддержки

Глава МИД Великобритании Джеймс Клеверли указывает, что наряду с военной и финансовой помощью, оказываемой Украине Великобританией, осуществляется всесторонняя гуманитарная поддержка, которая спасает людей от зимнего холода в условиях разрушенной энергетической инфраструктуры. Нами выделяются такие слова-стимулы, как *replace* и *repair*. Тезаурус дает следующие определения обозначенных лексем:

– *replace* — ‘to change something that is old, damaged, etc. for a similar thing that is newer or better’;

– *repair* — ‘to fix something that is broken, damaged or torn’ [OALDC].

Таким образом, мы видим, что *replace* и *repair* — это действия по восстановлению, а в случае с Украиной — по восстановлению инфраструктуры. Рассмотрим примеры.

– «But we are also making sure that we are doing everything possible and as quickly as possible to help them *repair and replace* everything that has been destroyed by the Russian onslaught»;

– «We want to get them the defensive weapon systems they need. So too, we are doing that *with energy, with equipment, with transformers, with generators, with a spare parts*»;

– «We put in place a very *coordinated process* to make sure that we are getting Ukraine what it needs to get through the winter; we're making sure that man, women, and children are not literally freezing to death» (Antony Blinken).

В примерах, наряду с констатацией факта оказываемой помощи по восстановлению разрушенного, политик эмоционально ссылается на российского «агрессора» и страдания простых людей. Описывая оказываемую поддержку со стороны Запада и США, Э. Блинкен использует эмфатичные конструкции *everything possible, as quickly as possible*, акцентируя ‘скоординированность’ действий стран Североатлантического альянса.

Мы полагаем, что в контексте прокси-войны, когда Украине оказывается всесторонняя многоуровневая поддержка, употребление обозначенной лексики свидетельствует об эвфемизации языка прокси-войны, при которой словесно-образные выражения событий приобретают культурно-идеологическую модальность, т. е. оценочную коннотацию, и формируют у целевой аудитории нужное понимание действительности. Можно с уверенностью утверждать, что в созданных западными политиками условиях формируется особый метаязык прокси-

войны, призванный влиять на общественное мнение и политические установки.

IV. ВЫВОДЫ

Политическая риторика является частью политической коммуникации, призванной формировать тематику информационной действительности и, вследствие этого, определенные ментальные конструкты в сознании целевой аудитории. Тематическая подвижность информационного потока в политическом дискурсе в последнее время обусловлена проводимой Российской Федерацией специальной военной операцией в Украине. Поскольку страны Запада и США развернули против России прокси-войну, можно говорить о формировании особого метаязыка текстов политического дискурса.

Риторика презентации информации в средствах массовой информации формируется посредством значимых лексико-семантических категорий, задающих тематику политических выступлений. Корпус метаязыка прокси-войны представляется бинарной оппозицией «Агрессия» / «Защита». Лексико-семантическая категория «Агрессия» описывает представление коллективного Запада о действиях России как агрессивного актора на Украине, лексико-семантическая категория «Защита» формирует представление об участии западных стран и США в судьбе Украины. Таким образом, в контексте прокси-войны метаязык манифестирует значимые понятия для понимания и осознания действительности и выступает в качестве основного инструмента вербальной манипуляции, пропаганды и борьбы с политическими оппонентами.

СЛОВАРИ

1. OALDC = Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/support_2 (дата обращения: 02.02.2023).

2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : [б. и.], 2013. — 608 с. — Текст : непосредственный.

3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — URL: https://linguistics_dictionary.academic.ru/205/антецедент (дата обращения: 01.02.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беркнер, С. С. Языка как инструмент власти / С. С. Беркнер. — Текст : непосредственный // Эссе о социальной власти языка : коллектив. моногр. / под общ. ред. Л. И. Гришяевой. — Воронеж : Воронеж. МИОН, 2001. — С. 85–89.

2. Васильев, А. Д. Информационная война: лингвистический аспект / А. Д. Васильев, Ф. Е. Подсохин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2 (56). — С. 10–16.

3. Васильев, А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ / А. Д. Васильев. — Текст : непосредственный // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. — 2010. — № 1. — С. 150–161.

4. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный ас-

пекты : моногр. / В. С. Григорьева. — Тамбов : [б. и.], 2007. — 120 с. — Текст : непосредственный.

5. Григорьева, Т. В. Перцептивная оппозиция в русском языке как способ оценочной категоризации действительности : дис. ... д-ра филол. наук / Григорьева Т. В. — Уфа, 2019. — 377 с. — Текст : непосредственный.

6. Долинин, К. А. Интерпретация текста: французский язык / К. А. Долинин. — Москва : [б. и.], 2005. — 304 с. — Текст : непосредственный.

7. Каблуков, Е. В. Концентрация вербальной агрессии в политическом дискурсе / Е. В. Каблуков. — Текст : непосредственный // Журналистика. Молодые исследователи. — Санкт-Петербург, 2006. — Вып. 4. — С. 42–48.

8. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : УРСС, 2000. — 350 с. — Текст : непосредственный.

9. Мансурова, А. И. Вербальные способы манипуляции общественным сознанием / А. И. Мансурова. — Текст : электронный // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2009. — № 1. — С. 69–73. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnye-sposoby-manipulyatsii-obschestvennyum-soznaniem> (дата обращения: 31.01.2023).

10. Микрюков, В. Ю. Прокси-война / В. Ю. Микрюков. — Текст : электронный / Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. — 2015. — URL: <http://nic-pnb.ru/analytiks/prok-si-vojna/> (дата обращения: 20.01.2023).

11. Миронова, Д. М. Семантические категории: динамика научных представлений и некоторые перспективы исследования / Д. М. Миронова. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17. — № 1. — С. 273–279.

12. Потапова, Н. М. Анализ лингвистических средств ведения информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) / Н. М. Потапова. — Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 8 (86). — Ч. 1. — С. 161–165. — URL: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/ (дата обращения: 03.02.2023).

13. Чинарова, Е. С. Тактика манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе / Е. С. Чинарова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 43 (181). — Вып. 39. — С. 150–152.

14. Чудинов, А. П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Российские выборы на рубеже веков» / А. П. Чудинов. — Текст : электронный // *Respectus philologicus*. — 2002. — № 2. — URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.html> (дата обращения: 02.02.2023).

15. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 440 с. — Текст : непосредственный.

16. Якунин, С. А. Лингвистические средства ведения информационной войны // С. А. Якунин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 77–82. — DOI 10.26170/pl19-03-09.

DICTIONARIES

1. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (n.d.). Retrieved Feb. 2, 2023, from https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/support_2

2. Akhmanova, O. S. (2013). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic terms]. Moscow, 608 p. (In Russ.)

3. Zherebilo, T. V. (n.d.). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic terms]. Retrieved Feb. 1, 2023, from https://lingvistics_dictionary.academic.ru/205/антецедент (In Russ.)

REFERENCES

1. Berkner, S. S. (2001). *Yazyka kak instrument vlasti* [Language as an instrument of power]. In L. I. Grishaeva (Ed.), *Esse o*

sotsial'noy vlasti yazyka (Collective monograph, pp. 85–89). Voronezh: Voronez. MION. (In Russ.)

2. Vasiljev, A. D., & Podsohin, F. E. (2016). *Informatsionnaya vojna: lingvisticheskij aspekt* [Information war: linguistic aspect]. *Political Linguistics*, 2(56), 10–16. (In Russ.)

3. Vasil'ev, A. D. (2010). *Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI* [Manipulative euphemization as an attribute of media discourse]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astafeva*, 1, 150–161. (In Russ.)

4. Grigorjeva, V. S. (2007). *Diskurs kak aelement kommunikativnogo pocessa: pragmaticheskij i kommunikativnyj aspekty* [Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects] [Monograph]. Tambov, 120 p. (In Russ.)

5. Grigorjeva, T. V. (2019). *Pertseptivnaja oppozitsija v ruskom jazyke kak sposob otsenochnoj kategorizatsii dejstvitel'nosti* [Perceptual opposition in Russian language as a way of evaluative categorization of reality] [PhD. Thesis]. Ufa, 377 p. (In Russ.)

6. Dolinin, K. A. (2005). *Interpritatsija teksta: frantsuzskij jasyk* [Interpretation of the text: the French Language]. Moscow, 304 p. (In Russ.)

7. Kablukov, E. V. (2006). *Kontsratsija verbalnoj agressii v politicheskom diskurse* [Concentration of verbal aggression in political discourse]. *Zhurnalistika. Molodye issledovateli*, 4, 42–48. St. Petersburg. (In Russ.)

8. Kobozeva, I. M. (2000). *Lingvisticheskaja semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: URSS, 350 p. (In Russ.)

9. Mansurova, A. I. (2009). *Verbal'nye sposoby manipulyatsii obschestvennym soznaniem* [Verbal ways of manipulating public consciousness]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, 1, 69–73. (In Russ.). Retrieved Jan. 31, 2023, from <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalnye-sposoby-manipulyatsii-obschestvennym-soznaniem> (In Russ.)

10. Mikrjukov, V. Ju. (2015). *Proksi-vojna* [Proxy-War]. (Publ. by Nauchno-issledovatel'skij Tsentr problem natsional'noj bezopasnosti). Retrieved Jan. 21, 2023, from <http://nic-pnb.ru/analytiks/prok-si-vojna/> (In Russ.)

11. Mironova, D. M. (2012). *Semanticheskie kategorii: dinamika nauchnykh predstavlenij i nekotorye perspektivy issledovaniya* [Semantic Categories: Dynamics of Scientific Ideas and Some Prospects of Research]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 17(1), 273–279. (In Russ.)

12. Potapova, N. M. (2018). *Analiz lingvisticheskikh sredstv vedeniya informatsionnoj vojny (na materiale anglojazychnogo politicheskogo diskursa)* [Analysis of linguistic means of conducting information war (on the material of English-language political discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 8(86), Pt. 1, 161–165. (In Russ.). Retrieved Feb. 3, 2023, from www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/ (In Russ.)

13. Chinarova, E. S. (2009). *Taktika manipulyativnogo vozdejstviya na adresata v politicheskom diskurse* [Tactics of manipulative influence on the addressee in political discourse]. *Vestnik ChelGU*, 43(181), Iss. 39, 150–152. (In Russ.)

14. Chudinov, A. P. (2002). *Metaforicheskoe modelirovanie v politicheskom narративе «Rossijskie vybory na rubezhe vekov»* [Metaphorical Modeling in the Political Narrative “Russian Elections at the Turn of the Century”]. *Respektus philologicus*, 2, 12 p. Retrieved Feb. 2, 2023, from <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.html> (In Russ.)

15. Shegal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Thesis... Ph.D. of Philological Sciences]. Volgograd, 400 p. (In Russ.)

16. Jakunin, S. A. (2019). *Lingvisticheskie sredstva vedeniya informatsionnoj vojny* [Linguistic means of information war]. *Political Linguistics*, 3(75), 77–82. DOI: 10.26170/pl19-03-09. (In Russ.)